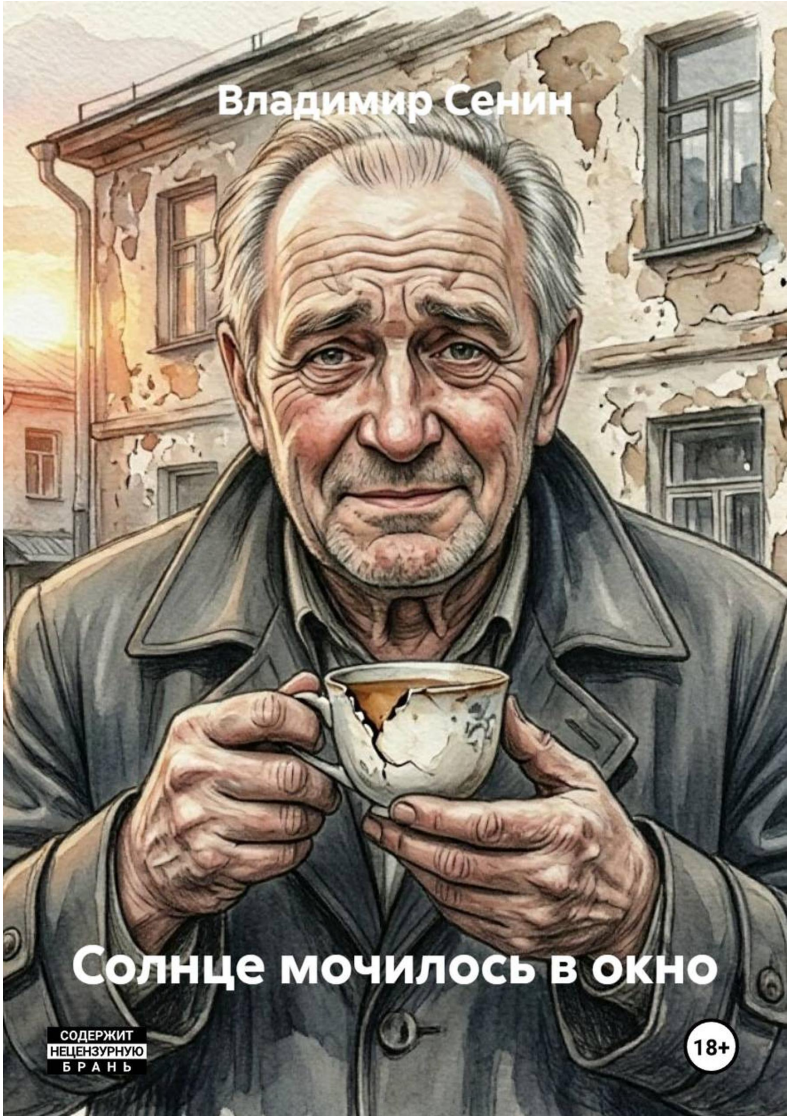

Владимир Сенин
Солнце мочилось в окно
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Владимир Сенин
Солнце мочилось в окно

https://litres.ru/74784299
SelfPub; 2026

Аннотация

Иван Васильевич Просторечьев — вахтёр районной библиотеки в провинциальном Задальнинске. В своих мечтах он — потомок благородного дворянского рода, великий поэт и аристократ, попивающий кофе из фарфоровой чашки. В реальности — он живёт в хрущёвке с уставшей женой Настасьей, старой собакой Анапестом и пишет стихи, которые вызывают лишь недоумение.

Он отчаянно прячется от серой реальности за высокопарными словами и выдуманным величием. Но когда судьба сталкивает его с равнодушием мира, а здоровье начинает подводить, его хрупкий мир рушится.

Это тихая, трагикомическая история о маленьком человеке, который так и не стал графом. О нелепой любви, которая измеряется не словами, а овсянкой по утрам и разбитой чашкой. О том, что настоящая жизнь — это не «Опус Магнум», а закат на балконе и тихое «прости».

Содержание

Глава 1. 4
Глава 2. 9
Глава 3. 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Владимир Сенин
Солнце мочилось в окно

Глава 1.

«Над морями, Вдаль раскинув крылья — что подобны…»

Размашистым почерком выводил в блокноте Иван Васильевич. Потрепанный карандаш, легко порхающий по белому листу, вдруг замер.

— Хм... морями... нужна рифма, чтобы как всегда. Хлесткая, внезапная. Может горами? Нет! Это пошло и предсказуемо, такое уже было, у классиков, — последнее слово Иван Васильевич презрительно выплюнул, не переставая при этом грызть кончик карандаша.

Сегодня муза решительно покинула его, прихватив с собой вдохновение, оставив на растерзание мучительному желанию творить.

Безжалостно вырвав очередной лист из изрядно похудевшего блокнота, Просторечьев принялся было писать, но в творческий процесс ворвался телефонный звонок.

— Иван Васильевич Просторечьев, имеющий честь служить хранителем древних знаний, запечатлённых на бумаге,

— представился Иван Васильевич трубке.

— Ваня, просто открой дверь, пожалуйста. До тебя не достучаться, — трубка со вздохом ответила голосом библиотекаря Нины Сергеевны.

— Сию минуту, все непременнейше, дражайшая госпожа.

Переваливаясь с ноги на ногу, Просторечьев тяжело выполз из вахтерской, словно престарелый лев, страдающий подагрой, и засеменил к входу, на ходу доставая связку ключей. Большая часть их была бесполезна: здесь ютились ключи от давно проданного гаража, дачи, куда семейство Просторечьевых не выезжало уже пятый год подряд, несколько проржавевших, найденных на улице ключей. Всего два ключа открывали двери заведения, носящего гордое название «Районная библиотека города Задальнинска». Но Иван Васильевич считал большую связку обязательным атрибутом своей службы.

Проржавевший замок с ворчливым щелчком заедающего механизма наконец открылся. Нина Сергеевна нетерпеливо толкнула дверь, стремясь зайти в теплое помещение, на ходу отряхивая зонт. Капли дождевой воды густо разлетелись в стороны, забрызгав Ивана Васильевича.

— Ну что же вы, прекрасная мадмуазель, так неаккуратно? — растерянно пробормотал Просторечьев, машинально приглаживая остатки волос. Иван Васильевич каждое утро проводил у зеркала по 20 минут, под добродушно-усталое ворчание горячо любимой супруги Настасьи. Тщетно расче-

сывая редкие пряди поперёк макушки, стараясь скрыть глубокие залысины, тем самым только обращая внимание на поблескивающую от пота кожу.

— Дождина с утра самого, как из ведра хлещет. Замочил всю, — пожаловалась в ответ Нина Сергеевна.

— Да, не премину согласиться с вами, Нина. Небеса развезли свои хляби, дабы пролить на нас свои потоки холодной до лязга костей, но в то же самое время, позволю себе заметить, столь жизнетворящей воды, — мечтательно ответил Иван Васильевич, прокручивая в голове слово «замочил».

— Иван Васильевич, я вас порой не понимаю, — с лёгким сочувствием посмотрела на Ивана Васильевича библиотекарь.

— Я тоже, милая барышня... Я тоже... — задумчиво ответил Иван Васильевич, понурив голову. Но тут же встрепенулся и уже бодрее, с привычным полуторжественным тоном продолжил: — Сколь бы ни было приятно мне ваше общество, всё же вынужден откланяться. Служба, сами понимаете.

Безуспешно попытавшись щелкнуть каблуками, Просторечьев вернулся в свою каморку. Вывел аккуратным, закругленным почерком время прибытия библиотекаря в журнале входящих. Иван Васильевич, в ожидании сменщика, стал собираться домой. Чисто вымытая, натертая душистым мылом зубная щетка, туго скрученный тюбик зубной пасты, вафельное полотенце были наскоро уложены в рюкзак. После чего

Просторечьев бережно, словно боясь сломать, двумя пальцами подхватил тонкостенную фарфоровую чашечку. Нежно погладив скол, где когда-то была изящная ручка, он вздохнул о чём-то своём и завернул чашку в белое льняное полотенце. Свёрток нырнул за пазуху Ивана Васильевича, подальше от посторонних глаз.

— О! Василич! Здарова! Чего там, Нинка уже что ли пришла? Вот не сидится бабе дома, — в вахтерскую, как всегда, словно ураган, ворвался Петр Андреевич. Помещение сразу же наполнилось кислотным запахом нестираных носков и неизменным перегаром, щедро обдающим собеседника при каждом выдохе Петра.

— Ох, Пётр. Неужто есть острая необходимость в возлияниях накануне дня службы? — поморщился Иван Васильевич. — На дух не переношу это амбре, нижайше прошу меня извинить, но не соблаговолите ли вы провести акт передачи сей ключницы на более свежем воздухе?

— Дык, я-то соблагогового... слабогового... Ой, мляха, язык с тобой сломать можно. Айда выйдем, короч. Заодно перекурю, — широко улыбаясь, ответил Пётр Андреевич. — И это, таблетки у тя нет никакой? А то башка гудит... ну сам понимаешь.

— Прошу простить меня, глубокоуважаемый, но отродясь таблетки и иные лекарственные средства не принимаю и привычки с собой носить не имею. Вы бы лучше к Нине Сергеевне наведались, у неё отменная аптека под полками

собралась.

— И то верно, Сергеевна в пилюлях толк знает. Ну дык чего, готов? Пошли уже, курить хочется, аж уши в трубочку заворачиваются.

Глава 2.

Иван Васильевич стоял, пряча голову в поднятый воротник куртки, стараясь не дышать глубоко, то и дело морщась от запаха густого, сизого дыма от сигарет «Родопи».

— Вот оно, мляха, качество. Прикинь, Василич. Уж почитай лет 20 курю родопину, лучше не сыскать курева. От других горло дерёт, да кашель наизнанку выворачивает, — затягиваясь, сказал Пётр, закашлявшись в конце предложения громким, булькающим кашлем.

— Бросали бы вы эту пагубную привычку, Пётр Андреевич, загубит она вас.

Пётр только махнул рукой на это замечание: мол, не стращай пуганные мы.

— Непогода разгулялась сегодня не на шутку. Холод до самой кости пробирает, да ветер свищет, аки баньши кладбищенская.

— Вот и я говорю, дождина такой хлещет, словно из ведра поливает, — к мужчинам вышла Нина Сергеевна, пуская плотные клубы ароматного дыма из электронной сигареты. — Пётр, кончай и правда смолить дрянь эту, уже всё вокруг дымом провонял.

— Чтоб ты понимала, Нинка. Это не вонь, а аромат крепкого, мужицкого табака. Не то что соска твоя модная, — про-

ворчал Пётр и добавил. — А я, мляха, люблю дождь. Помню, бабка моя говорила, когда я ещё щеглом зелёным был, мол, это ангелы на нас писают. Мочатся, значит.

— Мочатся, говорите? Ангелы? Интересное дельце. А что ещё ваша многоуважаемая бабушка говорила, мудрости какие излагала? — Иван Васильевич вытянул шею от интереса, отметив про себя слово «мочатся».

— Дык говорила мало, грозила больше. Вожжами, говорит, отхожу по причинному месту, коли на плетне висеть буду, — весело ухмыльнулся Пётр Андреевич, вспоминая детство.

— Иван, вы бы домой спешили, а то Настасья ваша уже звонила. Просила молока да хлеба булку по дороге купить.

— Покорнейше благодарю, несравненная Нина Сергеевна, что доставили мне сию весть от дражайшей супружницы моей, свет Настасьеньки. И в самом деле, пора мне, господа. Пора.

Иван Васильевич вяло пожал руку Петру, дернулся было поцеловать руку Нины Сергеевны, но быстро остановился и просто слегка сжал её. После чего поковылял, безуспешно стараясь перепрыгивать лужи, в сторону автобусной остановки.

— Чудной он какой-то, странный. Говорит так непонятно. Ему бы доктору показаться, может таблеточки какие пропить, витамины, — с легким беспокойством в голосе сказала Нина. — Бледный он какой-то, глазёнки грустные, весь

скукожился.

— Дура ты, Нинка... одно слово, баба. Не больной Василич, а блаженный. Бабка моя про таких говорила, что их ангел в лоб поцеловал, когда рождался. Ему бы не у нас в тмутараканьей родиться, а в графьях каких... катался бы сейчас на каретах, а не это вот всё. Тьфу, мляха. — Пётр Андреевич сплюнул под ноги и молча зашел в библиотеку. Нина Сергеевна поспешила за ним следом.

— Петь, а Петь. А это те же ангелы целуют, что мочатся потом на нас? — со смехом прокричала она в догонку. Но ответом ей был только громкий хлопок тяжелой двери.

Глава 3.

Трясясь в старом, насквозь проржавевшем трамвае, Иван Васильевич прокручивал в голове недавно услышанные слова.

— Вот ведь воистину покрытое древней тайной истина происхождения слов и подлинное их значение. Вот, скажем, слово мочиться... низкое, пошлое, даже на слух грубое определение естественных нужд, коими порой страдает каждый представитель рода человеческого на нашей бренной земле... — Размышления Просторечьева прервала необъятных размеров кондуктор. Из-под тяжелых, налитых синевой век злобно поблескивали маленькие глаза, иссеченные красными прожилками. В уголке рта кондуктора сиротливо торчала замусоленная спичка, густо измазанная вульгарно красной помадой.

— Проезд, оплачивайте... мужчина, я вам говорю, — проскрипела кондуктор, не выпуская спичку изо рта.

— Сию минуту, несравненная. Лишь дайте мгновение возможности предъявить декларацию, дающую мне право льготного, бесплатного проезда в общественном транспорте всех мастей.

— Господяяя... Муж-чиии-нааа! Надо сразу подготавливать проездной, думаете, мне заняться чо ли нечем больше?

Расселся, барин. А я тут ходи к каждому. Вас много, я одна.

Иван Васильевич суетливо шарил по карманам, пытаясь найти злосчастный проездной, пока нависшая над ним кондуктор распалялась всё сильнее и сильнее. Гневной палочкой дирижера спичка во рту металась из стороны в сторону, словно управляя этой симфонией усталости и озлобленности. Наконец, сдавшись, Иван Васильевич достал из кармана мелочь и потными руками начал судорожно отсчитывать нужную сумму.

— Вот, грозная валькирия, стоящая на страже закона и порядка данного транспортного средства, — Просторечьев протянул мелочь, зажатую во вспотевшей руке.

— Чего?? Как ты меня назвал, алкашня? Какая я тебе валькирия, совсем допился уже! Дружков своих, подзаборных, называть так будешь, понял? — Лицо кондуктора приобрело багровый цвет, тяжелые веки же, наоборот, налились ещё большей синевой. На крики уже начали поворачиваться люди, минуту назад беззаботно дремавшие по пути на работу.

— Совсем уже охамели, на людях такое говорить человеку, — раздалось с дальней площадки.

— Слышь, кондукторша. Ты не вопи там, тут люди с суток едут и так жбан раскалывается, — донеслось с другой стороны.

Вскоре в вагоне поднялся гвалт, кто-то встал на сторону Ивана Васильевича, кто-то защищал кондуктора. Третьи же

ругались с первыми двумя просто так.

— Трамвай дальше не поедет, пока все не успокоятся, — закричала по громкой связи водитель трамвая, останавливая вагон и открывая двери.

Иван Васильевич, видя спасительный выход, попытался было прошмыгнуть к нему, но был остановлен властной рукой кондуктора, которая возвышалась над всеобщей суматохой, словно одинокая скала в бушующем море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.